

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1986

Сборник статей

Ответственный редактор
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1986

В сборник включены статьи по актуальным проблемам истории социалистической мысли — от эпохи Возрождения и Реформации до второй половины XIX в. В них показано значение трудов Ф. Энгельса для развития марксистской историографии общественной мысли, а также многообразие социалистических исканий в Западной Европе и России. Большой раздел составляют статьи, написанные к 450-летию со дня кончины Т. Мора, в которых рассматриваются малоизученные вопросы его творчества

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. Н. ГОЛЬМАН, Н. Ю. КОЛШИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН,
Т. А. ПАВЛОВА, Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

	СТАТЬИ
Н. Б. Тер-Акопян	К истории термина и понятия «первобытный коммунизм» 3
Л. С. Чиколини	Социальная утопия как явление общественной мысли в переходную от феодализма к капитализму эпоху 26
Н. Г. Федоровский	К вопросу о классовой сущности лассальянства 49
Г. И. Романов	Социалистические искания В. А. Милютина 74
К. М. Андерсон	Оуэнисты и Ирландия 96
Т. А. Павлова	Рантеры и Уинстэнли 113
В. М. Володарский	Утопия Ганса Гергота 134
В. Д. Балакин	Общественное воспитание в социальной утопии Андреэ 154
А. Э. Штекли	«Досуг во Фландрии» и создание «Утопии» (К критике господствующей текстологической концепции) 174
О. Ф. Кудрявцев	Ренессансная апология наслаждения (К прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора) 197
	ИСТОРИОГРАФИЯ
В. Н. Ильин	О средневековом «социализме» (К критике концепции К. Каутского) 229
Т. Н. Самсонова	Об изучении «Утопии» Томаса Мора в новейшей буржуазной историографии 251
	ПУБЛИКАЦИИ
М. К. Трофимова	Утопия Евгемера Вступ. ст., публ. и пер. с древнегреч. 266
А. Э. Штекли	Вильгельм Циммерман о движении Ганса Бёхайма Введение и пер. с нем. 282

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Социалистические искания В. А. Милютина

Страницы семейного архива фиксируют серьезную озабоченность Дмитрия Алексеевича Милютина — будущего военного министра России в правительстве Александра I — дерзким поведением младшего брата: «Владимира нашел я уже совершенно развитым юношей... занимался он серьезно и подавал утешительные надежды. Учился успешно; но было что-то странное в его характере: с каждым годом все больше отчуждался он от семьи и втягивался в свой особый кружок»¹. Однако если включение В. А. Милютин в «грозную и ожесточенную борьбу между защитниками существовавших учреждений и представителями новых идей и потребностей»² встревожило либерально настроенного брата, то иначе оно было воспринято в демократических кругах России. В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину отмечал: «Теперь есть еще в Петербурге молодой человек Милютин. Он занимается соп амоге и специально политическую экономию. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою и что его направление дельное и современно-гуманное, без прекраснотушия»³. Так в середине 40-х годов прошлого столетия, еще будучи студентом Петербургского университета, начинает свой недолгий, но плодотворный путь прогрессивного социального мыслителя Владимир Алексеевич Милютин (1826—1855).

Исследование творчества В. А. Милютин, видного представителя передовой российской интеллигенции, помогает лучше понять сложный процесс борьбы против самодержавия и крепостничества. позволяет углубить наши знания о развитии социалистической мысли в России. Г. В. Плеханов первым из марксистов пришел к выводу о необходимости изучения теоретического наследия В. А. Милютин. В «Общем плане» своего фундаментального труда «История русской общественной мысли» он поставил его рядом с русскими фурьеристами и петрашевцами⁴. Исследователи различных направлений и научных интересов анализировали мировоззрение Милютин и далеко не одинаково оценивали его социально-классовые позиции: одни причисляли его к «дворянам-аристократам», другие —

к «марксистам»⁵. Так, А. Близнюк считает, что Милютин «по своим классовым симпатиям относится к могущественной аристократии», а Ив. Иванов причисляет его к русским марксистам 40-х годов. В самых разных работах Милютин предстает то филантропом, то либералом, то буржуазным реформатором.

Причина столь резкого расхождения мнений о характере его взглядов лежит, думается, в разрыве классового и конкретно-исторического методов исследования. Недостаточно глубокий исторический анализ мировоззрения Милютин приводит к упрощенным социальным оценкам, и, наоборот, излишне схематизированный подход препятствует правильным историческим выводам. В. И. Ленин в работе «Две утопии» специально подчеркивает, что в стремлении определить объективное содержание той или иной утопии мы должны учитывать конкретные условия ее появления, исследовать ее роль в решении задач, стоящих перед освободительным движением данной эпохи⁶. Ошибочно делать заключение о классовой ориентации теоретика (как это произошло в отдельных работах, касающихся творчества Милютин), исходя лишь из его происхождения или отдельных сторон его мировоззрения. Недостаточен также сравнительно развернутый анализ построений утописта, если он не включает в себя те вопросы развития страны, которыми «мучился» мыслитель, если он оставляет в стороне интеллектуальный горизонт его эпохи, если, наконец, анализ не выясняет роль рассматриваемой личности в решении проблем освободительного движения.

После книги П. Н. Сакулина «Русская литература и социализм», опубликованной в 1922 г., Милютин надолго выпадает из поля зрения историков социалистической мысли. В этот период происходит переосмотр выводов (с марксистских позиций), сделанных непролетарскими исследователями относительно мировоззрения выдающихся деятелей революционной демократической мысли России: Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. О Милютине же вспоминают только после войны, когда переиздаются его основные социально-экономические работы⁷. Его теоретические искания оцениваются историками литературы и критики, экономической и общественной мысли по-разному, причем, как правило, без постановки задачи специального изучения⁸. Особо при-

¹ Милютин Д. А. Мои старческие воспоминания за 1816—1873 годы.— ГБЛ. ф. 169, оп. 12, ед. хр. 4, с. 115.

² Милютин В. А. Избранные произведения. М., 1946, с. 53.

³ Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1982, т. 9, с. 659.

⁴ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1974, т. III, с. 135.

⁵ См.: Иванов Ив. История русской критики. СПб., 1900. Ч. 3, 4; Русянов Н. С. Из идейной истории русского социализма 40-х годов.— Русское богатство, 1909, № 1; Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. М., 1922; Близнюк А. Экономические взгляды В. А. Милютин: Канд. дис., 1946; Левин Ш. М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма.— В кн.: Исторические записки АН СССР. М., 1948, т. 26; Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949; Макашин С. Салтыков-Щедрин. М., 1951.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 119—121.

⁷ См.: Милютин В. А. Избранные произведения.

⁸ Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX веков. Л., 1948; Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.; Л., 1951; Кулешов В. И. «Отечественные записки»

стальное внимание произведениям В. А. Милютин уделяют представители экономической науки в 50-е годы⁹. На рубеже 50—60-х годов начинается более углубленное изучение его трудов. Появляются конкретно-исторические исследования по русской социалистической мысли, в которых делается вывод, что есть все основания считать Милютин приверженцем утопического социализма и что ему принадлежит достойное место среди передовых демократических кругов России¹⁰. При этом исследователи обращаются к различным аспектам милютинского творчества, не ставя задачи его систематического анализа¹¹. В результате важные стороны социалистического мировоззрения Милютин остались малоизученными. В предлагаемой работе рассматриваются две проблемы: литературная и общественная деятельность Милютин в тесной связи с актуальными вопросами 40-х годов XIX в. и его концепция развития «науки об обществе».

* * *

40-е годы XIX в.— это годы, относящиеся к переходному периоду в освободительном движении России. Это десятилетие усилило самодержавия предотвратить радикальные изменения в стране. Его окончание отмечено жестокой внутривластной реакцией правительства Николая I, вызванной страхом перед возможностью «росийского издания» буржуазно-демократической революции. Одновременно это пора становления новой общественной силы в борьбе за социальное освобождение России. В революционном движении на смену представителям дворянства постепенно приходят выходцы из средних слоев¹². Так, среди петрашевцев мы находим немало дворян по происхождению, но разночинцев по образу жизни. В их число входит и молодой Милютин.

В это время в просвещенных кругах России широко обсуждается главный «социальный вопрос» — о крепостном праве, о путях развития страны. В среде оппозиции самодержавию на почве нескольких отвлеченных споров об отношении к событиям в Западной Евро-

пе. к происходящей там ожесточенной борьбе классов рождаются различные проекты решения этой проблемы. Происходят резкие столкновения двух влиятельных сил — западников и славянофилов. Впервые обнаруживает себя предстоящее размежевание в среде наиболее последовательных противников феодализма — западников, намечается раскол их на умеренных и радикальных сторонников преобразования общественных отношений в России¹³.

В 40-е годы передовые круги страны испытывают мощное воздействие буржуазно-демократических революций Запада, которые окончательно обнажили эксплуататорскую сущность капиталистического государства и в которых впервые продемонстрировал свою классовую силу пролетариат. Лучшими людьми России осваиваются различные системы утопического социализма, что стало переломной вехой в истории прогрессивной отечественной мысли. Вместе с тем опыт исторического развития западных утопических теорий, вступивших к этому времени в полосу кризиса, делает это освоение критическим. Наконец, в 40-е годы в страну проникают произведения создателей научного социализма, становятся известны имена Маркса и Энгельса.

И все же соотношение сил царизма и освободительного движения в этот период остается несоизмеримым. Противник крайне «дикого» русского феодализма еще не способен к серьезным политическим выступлениям. Крестьянские восстания разрозненны и стихийны, их участники далеки от понимания реальных путей успешной антикрепостнической борьбы. Деятельность сознательного врага самодержавия — дворянских и революционных демократов — это преимущественно теоретическая работа. Высшим достижением этой стадии освободительного движения становятся кружки, в которых происходят осмысленные революционных выступлений как России, так и Запада, изучение социалистического опыта Европы, выработка передового мировоззрения¹⁴. Не случайно именно в 40-х годах XIX столетия Ленин видит начало широкой теоретической деятельности лучших людей страны: «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усер-

ки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958; История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. Ч. 2.

⁹ *Боярский С.* Критика капитализма в трудах прогрессивного русского экономиста 40-х годов XIX века В. А. Милютин. — Науч. зап. каф. обществ. наук Одес. политехн. ин-та, Одесса, 1957, т. 15, вып. 1; *Дубнов А. С.* Экономические взгляды В. А. Милютин. М., 1958; История русской экономической мысли. М., 1958. Т. 1. Ч. 2.

¹⁰ *Малинин В. А., Сидоров М. И.* Предшественники научного социализма в России М., 1963; *Володин А. И.* О классификации утопически-социалистических учений. — В кн.: Проблемы теории научного коммунизма. М., 1972, вып. 6; *Он же.* Утопия и история: Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976; *Малинин В. А.* История русского утопического социализма. М., 1977

¹¹ Первой попыткой восполнить этот пробел стала кандидатская диссертация автора данной статьи «Критически-утопический социализм В. А. Милютин» (М., 1980).

¹² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

¹³ Милютин неплохо разбирался в характере своего времени: «Эпохи переходные (курсив наш. — Авт.) не отличаются никогда единством и общностью убеждений. Поэтому существенную принадлежность нашего века, принадлежанею, без сомнения, к числу таких эпох, составляет чрезвычайное разнообразие индивидуальных мнений и верований. Это разнообразие есть плод глубокого раздвоения, проникающего собой всю умственную и общественную деятельность современных поколений. Горькое сожаление о прошедшем, осужденном на неминуемую гибель, и живая вера в будущее, еще скрытое от нас непроницаемым покровом, составляют два крайние полюса, между которыми в шумном и беспорядочном круговороте движутся, сталкиваются, сходятся и расходятся самые противоположные, самые разнородные требования, интересы, идеи и системы» (*Милютин В. А.* Избранные произведения, с. 68).

¹⁴ *Федосов П. А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958

дием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области»¹⁵.

«Умственная деятельность» этих лет, отражавшая небогатую политическую практику освободительной борьбы народа, имела свои пределы. Это было время, говоря словами Герцена, «вопросов без ответов». Не видели ясных решений мыслители, страстно желавшие быть реалистами в суждениях о путях и средствах революционного преобразования своего отечества. Отсюда метания духа, обращение надежд своих то на Запад, то на внутренние потенции России, то на высокие идеалы утопического социализма, то на «приземленные», но реализуемые возможности буржуазии. Салтыков-Щедрин в повести «Противоречия», написанной в 1847 г. и посвященной Милютину, так определяет положение демократической интеллигенции: я «стою посередине между тем и другим пониманием жизни: я и не утопист, потому что утопию свою вывожу из исторического развития действительности, потому что населяю ее не мертвыми признаками, а живыми людьми, имеющими плоть и кровь, и не консерватор... потому что не хочу застоя, а требую жизни, требую движения вперед. Это, если хотите, самый верный взгляд на вещи, но так как у меня отняли всякую возможность действовать... то и выходит, что я повис в воздухе...»¹⁶. Отсутствие «возможности действовать», слабость, неорганизованность антикрепостнических сил, обусловленные в конечном счете неразвитостью социально-экономических и политических отношений в России, — вот истоки ограниченности даже «умственной работы» демократических сил 40-х годов. Но именно эта «деятельность поневоле» стала тем первым серьезным шагом широкого коллективного поиска, «правильной революционной теории», который завершился закономерным переходом к марксизму.

В этих условиях приобщается к литературной и общественной борьбе Милютин. В кружках единомышленников он жаждет ясного ответа на вопрос «что делать?», становится одним из создателей библиотеки «запрещенной литературы», участником «пятниц» М. В. Петрашевского. Пишет ряд острых социально-экономических статей в «Современник» и «Отечественные записки»¹⁷. Создает вместе с В. Н. Майковым «общество литераторов» (как называл их

кружок Петрашевский), в число участников которого входили М. Е. Салтыков-Щедрин и В. В. Стасов. Идеино близкое к петрашевцам, но критически настроенное к их излишне фурьеристским увлечениям общество Милютин — Майкова спланируется попытками найти путь из «безвыходных противоречий, терзающих современное человечество»¹⁸.

Для радикально мыслящих людей 40-х годов вопрос о судьбе феодализма в России был теоретически решенной проблемой. Поэтому они часто спорили о том, что ожидает страну после его уничтожения. Ищет ответ на этот вопрос и Милютин. Его взгляд на будущее устройство России отличается от упований тех демократов, которые рассчитывали миновать адовы муки капитализма с помощью крестьянской общины. Здесь Милютин скорее сходится с Белинским, который в конце жизни склоняется к мнению, что его отечеству вряд ли удастся избежать периода буржуазного развития.

В то же время его вывод прямо противоположен заключениям многих близких ему либеральных западников, которых мало беспокоила судьба крестьянских масс, так же как они оставались равнодушными к нищете западноевропейского пролетариата. В буржуазной Европе Милютин всецело на стороне работников города и деревни, в крепостнической России — на стороне крестьянства. Он откровенно (разумеется, с учетом цензуры) выступает против тех «малодушных», «кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитает спокойно лежать в грязи, вместо того, чтоб трудом и пожертвованиями стремиться к благородной цели» — избавлению людей труда от угнетения¹⁹. Да, Милютин согласен с тем, что России предстоит пройти этап *laissez faire, laissez passer*, ибо народы не могут перескакивать необходимые стадии развития²⁰. Но, отстаивая в период становления капиталистических отношений в стране идею социального детерминизма, он смотрит на эту ступень как на закономерный, но преходящий этап эволюции России. Разделить позицию защитника «государства разума» Милютину помешало не только глубоко укоренившееся с детских лет чувство неприятия несправедливости, но и пристальное изучение истории Западной Европы.

В. А. Милютин резко выступает против «близоруких судей Запада» — славянофилов и представителей «официальной народности, которые видят в европейской цивилизации только гниение и

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

¹⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1965, т. 1, с. 137—138.

¹⁷ О разносторонности научных интересов Милютин можно судить по таким работам, как: Мальтус и его противники — Современник, 1847, т. IV, V. Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции. — Отечественные записки 1847, № 1—4; Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. — Современник, 1847, т. V, VI; Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. — Отечественные записки, 1847, № 11, 12; О состоянии женщин в России до Петра I. — Современник, 1850, т. XXIV; Очерки русской журналистики. — Там же, 1851, № 1—3; История судебных учреждений — Там же, № 10; О производительных силах России, г. Тенгоборского. — Там же, № 12; Этнографическая карта России, Кеплена. — Там же, 1852, № 9; Жизнь Алкивиада по новейшим исследованиям. — Там же, 1855, № 1, 2, 9.

¹⁸ См.: Милютин В. А. Избр. произведения, с. 86. Более подробно об «обществе литераторов» см.: Усакина Т. И. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965, с. 9—10, 16—17, 103, 107.

¹⁹ Милютин В. А. Избранные произведения, с. 162.

²⁰ В основе его исторических взглядов лежит мысль о «бесконечном усовершенствовании человечества». Отстаиваемая такими писателями, как Кондорсе, Валлас, Годвин, Оуэн, эта идея стала «коренным убеждением века». Каждый народ в своем общественном развитии проходит ряд этапов, ни один из которых не может быть пропущен в силу действия закона «необходимого и постоянного тождества в порядке развития каждого общества...» (Там же, с. 68, 69, 73, 76, 389).

разложение, и это в то время, как она прошла значительно больший путь общественного развития, нежели наше отечество»²¹.

В. А. Милютин — сын 40-х годов и типом своего мышления, противоречивость которого объясняется не столько эклектикой, сколько незавершенным переходом от умозрительности к реализму. Достижения его социальной мысли, так же как и закономерный характер утопических умозаключений, становятся более понятными в контексте того уровня и тех тенденций развития теоретического сознания, которые были присущи ему во второй четверти прошлого века. Это было время кульминации и последующего кризиса рационализма как способа философского и научного мышления²². Натурфилософия и философия истории — особенно после подвигов гегелевской «абсолютной идеи», совершенных в «инобытии», — постоянно низвергаются с пьедестала. Критерием истинности объявляется опыт: все, что противоречит ему, не заслуживает звания науки. Это настоящее восстание против рационализма было, по сути дела, выступлением против идеализма и метафизики, дискредитировавшими теоретическое познание. В то же время оно вовсе не означало повсеместного торжества «ползучего эмпиризма». К этому времени ограниченность его методологических установок выявилась не менее, чем мистифицированность рационалистических. В воздухе носилась идея синтеза эмпиризма и рационализма, что, впрочем, не гарантировало ее легкого успеха²³. Но, несмотря на частую утрату материалистических позиций и непоследовательность, этот поиск подготавливал почву для окончательного сведения счетов со спекулятивным сознанием, для рождения подлинной научной методологии познания.

Изучение милютинского способа социального анализа показывает, что он представляет собой отражение противоречивого типа теоретического мышления. Носители этого мышления уже не довольствуются просветительской формулой «мнения правят миром», принимают к сведению утверждения историков периода Реставрации и политэкономов о важной роли материальных интересов классов в общественной жизни. Но тем не менее еще не могут расстаться с мыслью о всемогуществе человеческого разума. Восприятие Милютиным этого переходного метода исследования накладывает отпечаток на все аспекты его деятельности. Во всех направлениях литературного творчества — при изучении «объективной истории»

²¹ См.: Там же, с. 161—162.

²² См.: Киссель М. А. Судьба старой дилеммы: (Рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М., 1974, с. 27—90.

²³ Широко распространенным, по тупиковым течением этого противоречивого периода в истории науки стал позитивизм. Его попытка «снятия» противоречия между рационализмом и эмпиризмом оказалась неудачной. Провозглашая ориентацию на объективное познание действительности, он вновь занялся постулированием «самоочевидных истин». В результате рационализм, будучи выпяченным в дверь, возвращается через окно. Многие социальные концепции, в том числе и Милютина, не связанные общностью «социального направления» с системой О. Конта, все же разделяют его методологические заблуждения.

человечества, резкой критике капитализма, анализе философских, экономических и социологических концепций, теорий утопического социализма, в исканиях «науки об обществе» — Милютин соединяет, казалось бы, несоединимое; философско-антропологическое и историческое понимание социальных явлений. В качестве исходного пункта он выбирает материалистический вариант антропологии, усвоенной не без помощи книги Л. Фейербаха «Сущность христианства». Однако впоследствии Милютин не удовлетворяется этим умозрительным принципом и под влиянием своих духовных претеч — Сен-Симона, Герцена, Белинского — ищет более «естественные основания» для изучения общественной жизни, нежели «природа человека». Методологическим стержнем его изысканий становится историзм, воплотивший в себе передовые веяния предмарксистской гносеологии и социальной мысли²⁴. Так, рассматривая жизнедеятельность общественного организма *laissez faire, laissez passer*, Милютин не останавливается на выводе (в духе гегелевской философии) о его неизбежной гибели в силу действия разумной «исторической необходимости», но идет к социологическому анализу капиталистического общества.

Будучи хорошо знакомым с современной политэкономией, он использует такие понятия, как производительность общества, производительные силы, отношения классов, различные интересы и борьба классов и т. п. В повышении «производительности общества» Милютин видит необходимую предпосылку социального прогресса, ликвидации пауперизма, улучшения материального благосостояния рабочих масс и духовного, нравственного, физического совершенствования человека. Не проходит мимо его взора и то, что до сих пор общественная жизнь изменяется далеко не мирным путем, что каждый шаг дается «ценой страшной борьбы», что классовая борьба интересов и поныне являет собой не признак гниения, но жизни движения, развития²⁵. Все это свидетельствует о стремлении В. А. Милютина к материалистической интерпретации истории. Однако оно осталось нереализованным, ибо применение теоретических средств экономического и классового анализа носило ограниченный характер.

Если при объяснении Милютиным *функционирования* (говоря современным языком исторического материализма) существующего «общественного организма» они еще как-то выполняют возложенную на них функцию, то в его воззрениях на *развитие* общества, на переход от нынешней, буржуазной формы социально-экономического устройства к будущему, «совершенному человечеству»²⁶ этим понятием уже не находится места. Изменения в экономике не рас-

²⁴ А. И. Володин справедливо считает, что в России 40-х годов XIX в. Милютин олицетворял собой «историческое направление социалистической мысли» (*Володин А. И. О классификации утопически-социалистических учений*, с. 302).

²⁵ См.: Милютин В. А. Избранные произведения. с. 72, 162, 186.

²⁶ С содержанием общественного идеала Милютина, который выступает логическим завершением его концепции исторического движения человечества, читатель познакомится ниже.

сма­триваются как основа дви­жения вперед, а классовая борьба — как сила, преобразующая мир. Кроме того, для него характерно не зрелое толкование важнейших категорий науки. Так, в определение «производительные силы» Мил­ютин вкладывает точно такое же содержание, что и Фурье, — «труд, капитал и талант». Не находит он подлинного места в общественной жизни и такому институту, как собственность на средства производства, хотя и догадывается о его социальной роли, когда замечает, что грядущее человечество будет основываться «не на состоянии, а на единстве и солидарности интересов...»²⁷. И как результат основную причину антагонизмов буржуазного общества Мил­ютин видит не в частной собственности, не в господстве капиталистов — он усматривает ее в том, что производство совершенно свободно от контроля государства, что «власть» якобы нейтральна к «враждующим классам»²⁸. Неудивительно, что отсюда всего один шаг до просветительских лозунгов: «Промышленный переворот... не произвел бы никаких вредных результатов, если бы подумали вовремя о последствиях этого нового явления...»²⁹. Кто бы подумал? Разумеется, наука и государственная власть.

Мил­ютинская вера во все­силie научной истины, во всемогущество просвещения не оставляет равнодушным. Его статьи пронизаны пафосом борьбы за создание подлинной «науки об обществе», за усиление ее роли в решении социальных проблем³⁰. Мил­ютин не может смириться с положением, когда при столь бурном развитии производительных сил Запада жизнь народов по-прежнему определяется враждой классов, а наука, призванная направлять движение человечества, согласилась с уча­стием пассивного регистратора угнетения труда капиталом. Не объяснять неприглядную действительность, но изменять ее — вот, по сути дела, в чем видит он предназначение науки и просвещения, перед истинами которых не в состоянии устоять самый «закоренелый человеческий предрассудок», не способна оставаться преступно нейтральной ни одна «общественная власть».

До понимания исторически преобразующей миссии пролетариата Мил­ютин не добирается. Он высоко оценивает место рабочего класса в общественном производстве, считает его главной производительной силой, с симпатией относится к его требованиям об изменении условий жизни. Но пролетариат остается для Мил­ютинского только, по выражению Ленина, «страдающим» классом, а борьба классов — изжившим себя двигателем истории³¹.

²⁷ Мил­ютин В. А. Избранные произведения, с. 74.

²⁸ См.: Там же, с. 318—319.

²⁹ Там же, с. 213.

³⁰ Создатели научного социализма вскрыли причину подобных надежд утопистов Запада, их веры в грядущую науку: «Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они... не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 455).

³¹ См.: Мил­ютин В. А. Избранные произведения, с. 172—173, 327, 175.

* * *

Какими бы проблемами ни занимался В. А. Мил­ютин, внутренним стимулом его творчества постоянно была забота о новой России, об обществе без угнетения, способном обеспечить свободное и гармоничное развитие всех и каждого, о совершенном человечестве. Для реализации этих высоких целей необходимо — в этом Мил­ютин убежден — предварительное создание науки, которая откроет «общие и вечные законы» общественного развития, пути и средства достижения социального идеала. Поиск подходов к решению этой не­легкой задачи и стал центральной темой его теоретической работы. Задавшись актуальным в ту пору вопросом о существовании истинного социально-экономического знания, он вынужден отрицательно ответить на него: «Надо иметь очень узкое и ограниченное понятие о достоинстве и существе науки, чтоб называть этим многозначительным именем нестройную массу самых противоположных идей и гипотез...»³². В целях анализа столь противоречивого переходного (по мнению Мил­ютинского) состояния он предпринимает критический экскурс в прошлое и настоящее общественной мысли, вычленяет исторические стадии ее развития. Буржуазная политэкономия, учение Сисмонди, «современные утопические теории» — таковы ступени, пройденные наукой. Их исследование, считает Мил­ютин, подведет к пониманию задач нынешнего этапа. И он обращает на это свои усилия.

Первой на путь объективного познания законов общества вступила экономическая мысль; ее идеи появились уже в античное время³³. Однако ни в древнем мире, ни в средние века не могло родиться науки о хозяйственных отношениях: крайне ничтожным был уровень производства народов этих времен. Только «материальное развитие», «экономический и политический» перевороты создали необходимые условия рождения политической экономии³⁴. Меркантилисты и физиократы, пишет Мил­ютин, осознали объективность законов хозяйственной жизни общества, заговорили о надобности их изучения. Но только Смит к достижению этой цели «пошел путем наблюдения и опыта, оставив тот бесплодный путь идеализма, который заставил его предшественников искажать и переиначивать факты, не подходившие под мерку их узких и односторонних теорий»³⁵. В лице Смита буржуазная наука достигла вершины своего развития. После него она вступила в период упадка. Едва заметные недостатки ошибочного направления «отца современной политэкономии» возводятся в работах его учеников в ранг абсолютных истин, доводятся до абсурда³⁶.

³² Там же, с. 392.

³³ Об этих идеях, пишет Мил­ютин, можно узнать «из сочинений разных философов и политиков, особенно Ксенофонта, Аристотеля, Платона» (Там же, с. 278).

³⁴ Там же, с. 282.

³⁵ Там же, с. 300.

³⁶ Там же, с. 304.

Милютинская критика «смитовой школы экономистов» — это прежде всего социальная критика. И в этом ее сила. В односторонне-объективистской позиции, отрицающей обязанность науки думать о последствиях ее рекомендаций для общества, видит Милютин главный порок данной системы политэкономии³⁷. Пролетариатство и пауеризм хотя и выступают для Мальтуса, Сэя и других злом, но злом неизбежным, которое не может поколебать их веры в неизбежность мира *laissez faire, laissez passer*. Сэй, приходит к выводу Милютин, убежден в вечности его, является его горячим приверженцем. И именно буржуазной страстью объясняется бесстрастность экономистов к большим вопросам западной цивилизации. Поэтому неудивительно, что концепция Сэя была с восторгом принята французской буржуазией, а ее автор стал «любимым, привилегированным экономистом *bourgeoisie*»³⁸.

Критика Милютиным буржуазной политэкономии — конструктивная критика. Ибо, во-первых, ее цель не подновление существующей, а создание новой науки, противоположной по «характеру и направлению» господствующим школам. И во-вторых, Милютин чужд крайних оценок, он не забывает также указать на заслугу «экономистов»³⁹ в обнаружении законов жизнедеятельности капиталистического производства. Но для современной науки одного этого уже недостаточно. Ученики Смита, по его мнению, остановились на изучении фактов существующей действительности, они выдают законы сегодняшнего общественного устройства за «законы общие всем временам, действующие одинаково на всех ступенях общественного развития»⁴⁰, тогда как буржуазное общество — это всего лишь необходимый, закономерный, но преходящий этап в прогрессивном движении человечества⁴¹.

Особое место в развитии социально-экономической мысли В. А. Милютин отводит Сисмонди, труды которого, по его мнению, представляют собой «посредствующее звено между системой учеников Смита и теориями новейших, социальных школ»⁴². В критике буржуазной науки, выполненной «с блистательным успехом», в обращении к изучению «задач практических и в особенности к изучению самого важного из современных вопросов — вопроса о пауеризме и судьбе низших классов общества» — видит Милютин пе-

реходный характер его теоретической работы. Тем самым Сисмонди изменил «направление и характер политической экономии»⁴³.

Отрицательное отношение Сисмонди к ученым — защитникам капитализма русский исследователь преемствует полностью. Но его не удовлетворяет непоследовательность Сисмонди; не разделяет он и основ построенной им новой системы. В. А. Милютин находит, что Сисмонди не сумел отречься от всего старого, остался поклонником «устарелых и осужденных на смерть учреждений». Будучи аристократом по рождению и симпатиям, он стремился «удовлетворить разом самым противоположным требованиям и действовать во имя будущего, не отрешаясь безусловно от воспоминаний прошедшего... его задушевная мысль... состояла в том, чтоб соединить улучшение судьбы всех классов общества, и особенно низших, с упрочением в государстве существования богатой и могущественной аристократии»⁴⁴.

В сисмондистской рекомендации об опекунстве капиталиста над работником Милютин видит «ничтожную полумеру», в то время как речь должна идти о «радикальном преобразовании на Западе экономического устройства»⁴⁵. Но Сисмонди, пишет Милютин, даже не приходили в голову мысли о таком изменении общественных отношений: «Он так привык к различию между богатым и бедным, что, восставая энергически против губительных последствий этого различия, допускал, однако же, необходимость существования в государстве небольшого числа капиталстов, имеющих возможность „развить вполне свои способности и стать выше своих сограждан“»⁴⁶. Эта непоследовательная позиция, резюмирует В. А. Милютин, не позволила Сисмонди воспринять идею «новейших школ» и сделать решительный шаг в деле создания «науки об обществе»⁴⁷.

Критический анализ буржуазной политической экономии — это часть милютинского исследования пути, пройденного социально-экономическим знанием. Здесь, как и в изучении «объективной истории», обнаружила себя материалистическая направленность методологии Милютина. Но столь же явно проявились историко-идеалистические истоки его социального мышления. Вскрылось, что в силе милютинской критики — ее ориентированности на *социальные* аспекты экономической науки — заключается и ее слабость, неготовность последовательно критически оценить содержание буржуазной политэкономии, исходя из нее самой, ее категориального аппарата, из законов хозяйственной жизни общества. Маркс и Энгельс подошли к политической экономии как к системе знаний, имеющей дело с *производством* материальных благ, и занялись концептуальной разработкой таких понятий, как товар, стоимость, прибавочная стоимость и т. д. Милютин же в своих выводах о ее предмете предлагает, по сути дела, выйти за пределы изучения собственно эконо-

³⁷ Там же, с. 309.

³⁸ Там же, с. 331.

³⁹ «Во избежание недоразумений, — предупреждает Милютин, — считаем нужным заметить, что... в тесном смысле экономистами называются только последователи Смита в противоположность социалистам» (Там же, с. 304, сноски).

⁴⁰ Там же, с. 315.

⁴¹ Там же, с. 73—74. По всей вероятности, именно резкий бескомпромиссный характер критики Милютиным капиталистического общества и буржуазной политэкономии, причем критики, разворачивающейся на попрание экономической науки, и побудил Ив. Иванова сделать успешный вывод о том, что В. А. Милютин «усвоил учение Маркса» (см.: *Иванов Ив.* Указ. соч., с. 303).

⁴² Под теориями «новейших, социальных школ» Милютин понимает различные концепции утопического социализма первой половины XIX в. (См.: *Милютин В. А.* Избранные произведения. с. 331).

⁴³ См.: Там же, с. 337.

⁴⁴ Там же, с. 339—340.

⁴⁵ Там же, с. 341.

⁴⁶ Там же, с. 341.

⁴⁷ Там же.

мических отношений. Его подвела чрезмерно резкая реакция на отрешенность буржуазной науки от жгучих социальных вопросов действительности⁴⁸. Он еще согласен признать, что такие отвлеченные категории, как товар, стоимость и т. п., как-то отражают существо буржуазных отношений, но не хочет согласиться, что с их помощью можно обосновать неизбежность коренного переустройства общества⁴⁹.

Таким образом, милютинская критика буржуазной политэкономии, несмотря на решительность и стремление быть историчной, научной, несмотря на то что субъективно она отвергает классовые установки теоретических защитников капитализма, все же остается преимущественно негативной критикой, ибо фактически покидает пределы, говоря словами Маркса, «того предмета, который она буд-то бы исследует». Ограниченное проникновение Милютин в сущность буржуазного общественного организма предопределило и рубежи его анализа экономической науки. Позитивная, имманентная критика последней была «совершенно невозможна без весьма положительных знаний по вопросу о движении частной собственности»⁵⁰. Но как раз этого он получить не мог.

И тем не менее критика Милютиным буржуазной науки, невзирая на эти ограниченности методологии (а может быть, и благодаря ей), стала оружием революционных демократов России в борьбе против отечественных адептов общественных отношений Запада⁵¹. Милютин одним из первых в стране поставил вопрос о кризисе экономической науки капитала и необходимости создания политэкономии, отстаивающей интересы труда. Подводя итоги, он делает аргументированный (для России 40-х годов XIX в.) вывод о том, что политическая экономия буржуазии, воплощавшая до определенного момента прогресс общественной мысли, постепенно зашла в тупик. Интересы ее дальнейшего движения вперед требовали изменения

взглядов на задачи науки. Однако «экономисты», верные принципу *laissez faire, laissez passer*, решить их уже не были в силах.

Социализм, представляющий «самые благородные и возвышенные идеалы» науки, подчеркивает Милютин, пришил на себя нелегкий труд выхода из кризиса, в котором оказалось социально-экономическое знание по милости ученых — защитников буржуазии. Но для того чтобы поколебать учение последователей Смита, надо было сразиться с ними с помощью фактов производственной жизни. И «социальные школы» делают это. Милютин неразрывно соединяет социализм с экономической наукой, рассматривает его различные системы как течения в политической экономии⁵². Учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна и их последователей он считает органическим этапом в процессе развития «науки об обществе». Исторический смысл их он видит в преодолении апологетической позиции «экономистов», в переходе к «изучению общественного зла и открытию путей его искоренения».

Учитывая значительную роль утопий в совершенствовании человечества, Милютин ставит задачу их серьезного изучения, предпринимает едва ли не первую в России попытку подобного исследования⁵³. Он сразу предупреждает, что его не интересует утопия в расхожем смысле слова — как беспочвенное мечтание, фантазия ума. Его увлекает утопия как природное стремление человека к созданию *идеала* лучшего общественного устройства, без которого нельзя преобразовать мир, без которого нет и не может быть прогресса⁵⁴. По его убеждению, современные утопии — это «явление совершенно необходимое», выступающее альтернативой буржуазной науки, вооружившейся гегелевским принципом «все действительное — разумно, все разумное — действительно». «Какая мысль, — риторически восклицает Милютин, — лежит в основании всякой утопии?» И отвечает: «Мысль о том, что действительность, неудовлетворяющая человека, не имеет в себе ничего безусловно необходимого, ничего постоянного и вечного...»⁵⁵.

На всех этапах общественного развития утопии представляли собой, по мнению их создателей, идеал справедливейшей и совершеннейшей организации. «Везде и во все времена, — пишет Милютин, — неудовлетворительность существовавшего порядка вещей вызывала собою появление мыслителей, которые отрешались смело от всех условий действительной жизни и придумывали средства для преобразования обществ согласно с своими личными понятиями о справедливости и разумности общественных отношений». В античном мире он считает такой утопией республику Платона, в новое

⁴⁸ Так. серьезнейший недостаток учения Рикардо и его последователей, по мнению Милютин, заключается в том, что они «сделали из своих метафизических исследований не только главный, но даже почти единственный предмет науки, ограничив круг своей деятельности анализом отвлеченных понятий ценности, полезности, богатства, производства и т. д. Отрешаясь от действительности и ее интересов, они вращались исключительно в сфере безжизненных абстракций и по большей части оставались чуждыми всем живым вопросам. шевелившим умы их современников и вытекавшим логически из экономической жизни европейских обществ» (Там же, с. 308).

⁴⁹ Споры экономистов, например, о содержании понятия «стоимость» Милютин полагает софистикой, а их отношение к работнику, основной производительной силе общества, как к «товару» — бесчеловечным. См.: Там же, с. 187.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 56.

⁵¹ Милютин буквально обрушивается на опубликованный курс А. Бутовского «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии», который представлял, по его мнению, жалкую компиляцию из работ Сэя и учеников его школы. Он опасается, как бы книга Бутовского, в которой извращаются идеалы социалистов, «не принята была русской публикой и особенно русским юношеством в руководство для изучения политической экономии и не послужила таким образом орудием к распространению ложных взглядов на науку столь важную...» (Милютин В. А. Избранные произведения, с. 274—275, 356—357, 439—441).

⁵² Справедливо замечание В. А. Малинина о том, что Милютин «предпринял попытку с помощью аргументов политической экономии обосновать социалистическое решение общественных проблем» (Малинин В. А. Указ. соч., с. 142).

⁵³ Не исключено, что в этой работе он использовал книгу Рейбо «Очерки о современных реформаторах или о новейших социалистах...», которая была в «запрещенной библиотеке» петрашевцев.

⁵⁴ См.: Милютин В. А. Избранные произведения, с. 346.

⁵⁵ Там же, с. 346, 350.

время — «Утопию» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, «Базилиаду» Морелли и т. д. Кроме «индивидуальных порывов человеческой мысли», Милютин обнаруживает «целые общества людей», которые пытались уйти от гнетущего бытия и осуществить на деле свой идеал социальной организации. Среди этих попыток он называет опыты квакеров, менонитов, анабаптистов и многие другие. Милютин излишне категоричен в утверждении, что историческое исследование мечтаний разных народов и времен позволило бы составить «непрерывный и последовательный ряд утопий, связанных друг с другом самыми тесными узами». Однако сам он решается набросать в аллегорической форме только ключевые — логически ключевые — стадии эволюции «одной из самых естественных форм человеческой мыслительности» — «стремления к лучшему, к идеалу», сравнивая последнее с умственным развитием отдельного индивида⁵⁶.

«В детстве, — пишет Милютин, — мечтаание бывает совершенно свободно; оно ничем не связывается и не стесняется, мечта сливается с действительностью... Взрослый человек в своих утопиях отрицает действительность, но в то же время признает ее существование, принимает ее в соображение...»⁵⁷ Аналогично последнему «взрослеющая» общественная мысль проводит резкую черту между реальностью и идеалом. Однако вступление в эту пору развития не означает выхода социальных мечтаний за пределы утопической фазы движения. Они по-прежнему могут носить иллюзорный характер, ибо воображению предоставляется полный простор. В результате человек продолжает гоняться за чистой, ничем не ограниченной мечтой, оставляя в покое неприглядный «порядок вещей». Его основная цель — «найти идеал общественной организации, придумать такое устройство, которое бы могло уничтожить все страдания современного человека и обеспечить каждому из людей возможную большую долю богатства, наслаждений и счастья»⁵⁸.

Но вот «в развитии наших утопий» наступает новый момент, продолжает Милютин: фантазия стесняется, в расчет начинают приниматься объективные условия жизни, в них отыскивается твердая точка опоры. Мыслитель уже не хочет оставлять в стороне беспоконное, мешающее бытие, но ищет с ним столкновения, желает его пересоздания. Целью социального творчества становится не идеал как таковой, но приведение его в соответствие с реальностью и осуществление на практике⁵⁹. И все же этого еще недостаточно для окончательного преодоления произвольных представлений о будущем, о путях и средствах его приближения. Чтобы сделать такой шаг, «необходимы наблюдения и опыт, необходима наука», которые раскрыли бы внутреннее «стремления и силы» существующей действительности, превратили бы сам идеал в «рациональное предвидение» грядущего общественного устройства. Только в этом случае

утопия вступает в новый, завершающий период своего движения, «начинает терять характер утопии и принимает мало-помалу характер чисто научный... сама собой и вследствие присущей ей силы развития переходит в науку и мало-помалу из несбыточной мечты превращается в идею совершенно практическую и вполне способную к постепенному или даже немедленному переходу из сферы отвлечения в сферу действительности»⁶⁰.

Несколько слов о содержательной стороне милютинской схемы эволюции утопии. Думается, что он вполне отдает себе отчет в ее умозрительности, оторванности от реальных изменений как в общественном бытии, так и в общественном сознании. То, что возможно иной, более исторический способ анализа социально-экономической мысли, Милютин показал на примере исследования политической экономии, где, как мы видели, прямо говорил о связи интересов «экономистов» и буржуазии. Видит он (в этом мы убедимся немного ниже) и зависимость современных утопий от хозяйственной жизни, от прогрессирующей общественной науки. И все же в качестве аналога перехода утопии в науку Милютин выбирает умственное развитие отдельного индивида. И это не случайно. Выбор приема, широко распространенного в метафизических концепциях философии истории того времени, представляется Милютину, по всей вероятности, единственным способом *целостного* охвата всего пути развития социалистической мысли, которой еще требуется немало усилий для избавления от «мистического и субъективного». А в том, что в русском мыслителе жила потребность в целостном представлении о поисках человечества «справедливейшей, совершеннейшей организации общества», нас убеждает его обращение к «современным теориям общественных преобразований», в поступательном развитии которых он видел неизбежное рождение науки об обществе⁶¹.

Что касается самого факта подхода Милютина к этой проблеме, то предпринятая попытка увидеть переход социализма в науку (в годы, когда этот процесс только разворачивался), несмотря на ее спекулятивный характер, выглядела вполне обоснованной. В то же время было бы большим заблуждением говорить о марксистском подходе Милютина к теориям утопического социализма, как утверждали некоторые ранние историки⁶². Его замечание об утопии, которая «сама собой и вследствие присущей ей силы развития» перей-

⁵⁶ Там же, с. 344, 346.

⁵⁷ Там же, с. 347.

⁵⁸ См.: Там же, с. 347, 349, 343.

⁵⁹ См.: Там же, с. 347, 349.

⁶⁰ Милютин В. А. Избранные произведения, с. 350. Но этот переход в науку утопии еще предстоит сделать: существующие школы социалистов еще не готовы к нему.

⁶¹ «Истинное назначение утопии. — пишет в 1847 г. Милютин. — состоит в том, чтоб совершенствоваться постоянно, сбрасывать с себя мало-помалу свой субъективный и мистический характер и, переходя в сферу науки, приобретать все те условия, от которых зависят рациональность и положительность ученых теорий. Этого назначения современные учения до сих пор еще не выполнили, но должны выполнить его рано или поздно; и в постоянном стремлении к такой цели заключается, по нашему мнению, как настоящее их призвание, так и залог для дальнейших успехов науки» (Там же, с. 355).

⁶² См.: Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 262.

дет в науку, лишний раз обнаруживает отличие методологических позиций Милютина от гносеологии марксизма, вскрывает его плененность (традиционной для домарксистского мышления) концепцией филиации идей.

От составления логической схемы развития утопии он переходит к описанию ее современных форм, и прежде всего обращает внимание на появление новейших социальных школ, отличающихся «человеческим направлением», в период обострения антагонизма между трудом и капиталом, на то, что они «были вызваны самой силой обстоятельств, т. е. экономическими и общественными событиями настоящей эпохи». Другой их источник Милютин видит в наличии достаточно развитой науки: современные социальные теории вышли «совершенно логически из учения экономистов», возникли как реакция на его ложную апологику сущего⁶³. Одной из основных особенностей «нынешних утопистов» он считает их обращенность на действительно злободневные социальные проблемы хозяйственной жизни. Их заслуга в том, что они принялись за изучение таких важных актуальных вопросов, как организация производства и распределение произведенных богатств. Милютин высказывает свое отношение к разработке социалистами этих тем.

При рассмотрении «организации труда» новые школы обнаруживают «огромное преимущество над экономистами». Отвергая принцип «неограниченной свободы промыслов», они требуют, чтобы общество не отдавало производства на откуп частным интересам, но приняло на себя заботы по его организации. В то же время, формулируя эту задачу, утописты понимают, что необходимо открыть средства для ее решения. И вот здесь они вступают на ложный путь, пишет Милютин. С одной стороны, они оказываются неспособными преодолеть отвлеченность своих рекомендаций, не могут «найти средства для постепенного усовершенствования экономической организации», ибо не сознают, что «человечество не может делать скачков в своем развитии и не может, следовательно, перейти прямо и без приготовления из нынешнего состояния в состояние полного и безусловного совершенства». В результате, «вместо того, продолжает Милютин, чтобы стремиться к... ближайшей и непосредственной цели, современные школы думают гораздо более о цели, слишком... отдаленной...»⁶⁴. Так, некоторые писатели (Милютин, видимо, имеет в виду Ш. Фурье и его последователей), чтобы избежать вредных последствий разделения труда и одновременно сохранить его как условие прогресса, предлагают ввести «беспрестанное изменение занятий», и в особенности чередование труда земледельческого и промышленного. Слов нет, это средство, будучи осуществленным, окажет благотворное воздействие на гармоничное развитие человека. Но реально ли оно сегодня? Милютин отрицательно отвечает на этот вопрос: данное изменение «нельзя

осуществить без важных перемен в отношениях между капиталом и трудом»⁶⁵.

С другой стороны, те учения, которые не оставили идею организации труда в «неопределенной всеобщности», по сформулировали ее достаточно ясно, обнаружили другой важный недостаток — «стремление к излишней централизации, к излишнему подчинению частных интересов интересу общему»⁶⁶. Личность человека, выступает Милютин против последователей аскетизма, подвергается здесь самым стеснительным ограничениям или исчезает вовсе: «Вместо того, чтобы найти средства для примирения двух равно необходимых начал: индивидуализма и общности, современные теории по большей части жертвуют первым в пользу второго...»⁶⁷.

Переходя к рассмотрению вопроса о «распределении богатств» в социалистических учениях, Милютин обнаруживает не просто различные взгляды, но развитие их, постепенный логический переход от мнений ложных к понятиям все более справедливым. Первые противники буржуазных экономистов, пишет он, считали, что самым правильным будет распределение «по равным долям между всеми членами общества». Это заблуждение рассеяли «позднейшие утописты», доказавшие, что идея «абсолютного равенства благ» несостоятельна, ибо «при различии человеческих потребностей равенство средств для их удовлетворения... упрочивает собою совершенное неравенство между людьми»⁶⁸.

Одна из школ, отмечает с некоторой иронией Милютин, стремясь согласовать *все* интересы, существующие в *настоящее* время, утверждает, что «самое справедливое распределение богатств есть то, в котором назначается каждому члену общества известная доля, определяемая по мере его труда, капитала и таланта»⁶⁹. Следующее направление утопического социализма, «отвергнув права капитала», продолжает Милютин, рассчитывало найти самую верную норму распределения благ в известной формуле «каждому по мере его способностей, каждой способности по мере ее произведений»⁷⁰. Наконец, представители третьей школы, отринув предшествующие решения данного вопроса и видя в богатстве только средство удовлетворения потребностей человека, полагают, что «самые потребности должны служить мериллом для распределения» производимых

⁶⁵ Там же, с. 217.

⁶⁶ Там же, с. 354.

⁶⁷ Там же, с. 354, 70.

⁶⁸ Там же, с. 355. Наш автор резко выступает против филиппик Г. Бутовского, который нападает на «коммунистов» за их якобы требование «равного раздела богатств». В настоящее время, пишет Милютин в 1847 г., кроме одной только школы, «доказывающей справедливость уравнивания не богатств, а земельной платы», нет ни одной системы, которая поддерживала бы устарелую и давно опровергнутую мысль об абсолютно равном распределении благ. См.: Там же, с. 440, 441.

⁶⁹ Милютин сильно сомневается в этой рекомендации Ш. Фурье. См.: Там же, с. 355.

⁷⁰ Не согласен он и с принципом сен-симонистов. См.: Там же.

⁶³ См.: Милютин В. А. Избранные произведения, с. 331, 345.

⁶⁴ Там же, с. 353—354.

лей⁷¹. Вывод Милютинина о том, что утописты, развивая идею разделения благ, достигли ясного и верного понимания, позволяет думать о его согласии с последней школой. Это подтверждает и милютинская полемика с Бутовским, в которой он счел нужным противопоставить нападкам на якобы уравниловку коммунистов учения, распределяющее общественное богатство «по нуждам и потребностям каждого»⁷².

Анализ оценок Милютинским проектов будущего в системах утопистов позволяет лучше понять его собственный общественный идеал. Это не лишне, поскольку сам он не считает нужным заниматься его специальной разработкой, видя в этом упражнении «отвлеченного мышления». В то же время Милютин полагает необходимой задачей науки открытие основных законов положительного социального устройства и средств их внедрения в жизнь. Это даст человечеству некий эталон его преобразовательной деятельности. Кроме того, выявление общих принципов идеальной общественной организации представлялось Милютину нужным и для целенаправленной критики учреждений антагонистического общества. Он разделял взгляд своего друга В. Н. Майкова, писавшего, что «создание идеала может дать смысл и крепость анализу и отрицанию»⁷³.

«Совершенное человечество», по Милютину, — это общество полного удовлетворения оправданных материальных и духовных потребностей людей, «гармоничного всестороннего развития» их сил и способностей. Для создания этого единственно достойного идеала необходимо перестроить экономические отношения, уничтожить саму возможность столкновения частных и общественных интересов и добиться их единения. В конечном счете слияние коллективных и индивидуальных устремлений, по мнению В. Милютинина, самый верный критерий оценки уровня развития социально-экономической организации. Общество «организованного труда» должно основываться «не на состоянии, а на единстве и солидарности интересов...»⁷⁴. Такое устройство было бы способно, среди прочих негативных моментов, устранить нынешнее отношение к труду как «несносному и тягостному игу» и превратить его «в самую настоятельную необходимость» человека, в свидетельство его величия и могущества⁷⁵.

В то же время подобное общество, подчеркивает Милютин, возвращая защитникам капитализма, вовсе не представляет собой то

⁷¹ Там же, с. 355. Милютин, характеризуя теории утопического социализма, не называет лиц, их представляющих. В отношении данной школы есть ослепление думать, что он, в частности, имел в виду Дезами и Кабе. В «библиотеке запрещенной литературы», в создании которой Милютин принимал прямое участие, находилась книга Дезами «Организация свободы и всеобщего благосостояния» и достаточно широко был представлен Кабе, в том числе его работы «Осуществление общности в Икарии» и «Каким образом я стал коммунистом и мое коммунистическое кредо». См.: *Философские и общественно-политические произведения петрашевцев*. М., 1953, с. 733, 734.

⁷² Милютин В. А. Избранные произведения, с. 440.

⁷³ См.: *Майков В. Н.* Соч.: В 2-х т. Киев, 1901, с. 99.

⁷⁴ См.: *Милютин В. А.* Избранные произведения, с. 73—74, 320, 322, 70, 115.

⁷⁵ Там же, с. 115.

«безусловное и безграничное совершенство», которое бы лишило род человеческий желаний и стремлений. Развитие человечества бесконечно. Всякий новый успех включает в себе источник дальнейшего движения, и «совершенство для человека может быть только относительное, условное, состоящее в уничтожении всех тех причин, которые заставляют его вместо развития мирного, естественного, любовного почитать каждый шаг вперед, каждую победу над препятствиями ценой страшной борьбы, ценой страданий, унижения и мук»⁷⁶.

Но вернемся к милютинским оценкам современных теорий общественных преобразований. Последние, обратившись к проблемам организации труда и распределения произведенных богатств, выказали, по мнению русского историка, «большую зрелость понятий» в отличие от утопий прошлых времен, нащупали «настоящий корень всех общественных зол и настоящее средство решения многих общественных вопросов». Поэтому они «имеют гораздо больше исторического значения, чем прежние...»⁷⁷. Однако при всей симпатии к новейшим теориям Милютин не склонен закрывать глаза на то, что они по существу остаются утопиями. Он досадует на неуклюжесть пных социалистов, которые, увлекшись доказательством «древности своих идей», называют физиократов своими предшественниками, в то время как последние близки по духу их нынешним противникам — экономистам типа Сэя⁷⁸. Немало тревожит Милютин и то, что утописты возбуждают против ими же провозглашаемых идей социализма общественное мнение, когда, «заглушая в себе требования исторической объективности», допускают «резкие и несправедливые выходки против Смита», обвиняя его в пороках последователей. Это заблуждение непростительно, ибо оно препятствует распространению возвышенных идеалов⁷⁹.

Но самым серьезным упущением современных социалистов Милютин считает отказ от изучения существующего общества. Уже в вопросе о предмете исследования политической экономии он подмечает непоследовательность во взглядах утопистов. С одной стороны, они требуют внимания к «практической стороне» науки, призывают ученых не забывать о социальных последствиях хозяйственного развития. С другой же — ни на йоту не приближают свои теории к жизни, остаются на уровне «несбыточных и произвольных гипотез», ибо вместо конкретного анализа действительности, поиска законов ее изменения занимаются фантазированием зачастую несуществующих идеалов, гаданиями о путях и средствах их достижения⁸⁰. В результате, заключает Милютин, школы социалистов, приняв из рук экономистов эстафету развития «науки об обществе»,

⁷⁶ Там же, с. 72.

⁷⁷ Там же, с. 345.

⁷⁸ См.: Там же, с. 295.

⁷⁹ Там же, с. 297—298. Милютин ссылается, в частности, на статью Пьера Леру, помещенную в «Encyclopédie Nouvelle».

⁸⁰ См.: Там же, с. 352—353, 378.

исполнили эту миссию лишь частично⁸¹. Сделав предметом полит-экономики производство, ориентированное на создание условий для всестороннего и гармоничного развития человека, они шагнули вперед. Но, отказавшись от познания как частных, так и общих «естественных законов» сущего, новые школы отступили назад.

В рассмотренной самобытной концепции Милютина, по сути дела, постоянно ведется речь о двух стержневых закономерностях развития «науки об обществе». Во-первых, наш исследователь не устаёт повторять, что прогресс социально-экономического знания обнаруживает себя в постоянно нарастающем проникновении в природу общественных процессов. И во-вторых, подчеркивает, что углубляющееся познание приближает теорию к осуществлению ее исторического призвания — обнаружению средств искоренения несправедливости и угнетения, созданию строя совершенного человечества. До сих пор ни одна из систем не сумела реализовать эти требования, но школы социалистов, по мнению Милютина, воплощают то направление общественной мысли, которое рано или поздно добьется этого. В них заключается «залог... дальнейших успехов науки»⁸².

* * *

Мы коснулись только двух малоизученных сторон творчества В. А. Милютина, но, думается, и сказанного достаточно, чтобы при-своить ему гордое имя «человека 40-х годов», которым называли революционеры последующих лет лучших людей России из когорты Белинского. Критически восприняв прогрессивные веяния философской, экономической и социально-политической мысли эпохи. Милютин подчинил труд свой исканиям науки о «совершеннейшем и справедливейшем» обществе. Его работа стала важным звеном в развитии отечественной социалистической традиции. На его статьях воспитывалось не одно поколение революционеров России. Он целеустремленно занимался не только «учеными исследованиями»⁸³, но и активной пропагандой «возвышенных» идеалов западных утопистов. В стране сурового полицейского режима, когда употребление слова «социализм» было высочайше запрещено, Милютин всеми доступными средствами доносит до читателя смысл великих идей Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Со страниц передовых журналов.

⁸¹ Милютин считает важным подчеркнуть противоположность взглядов буржуазных экономистов и социалистов и в вопросе, касающемся их методов. Правда, здесь преимущество вторых уже не видно. Ибо если ученики Смита «признают все действительно справедливым», то их противники — «все справедливое возможным». «Одни унижают науку, употребляя ее как средство для оправдания современной действительности, другие отрицают самую действительность, нисколько не принимая ее в соображение при построении своих теорий» (Там же, с. 353).

⁸² Там же, с. 356.

⁸³ Есть свидетельство, что диссертация Милютина на степень магистра государственного права «О недвижимых имуществах духовенства в России», опубликованная уже после его смерти, вызвала интерес К. Маркса. См.: К. Маркс Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 300, 308, 311; Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, с. 115, 176.

с кафедры Петербургского университета звучит его слово, посвященное их «благородным стремлениям»⁸⁴. Поэтому неудивительна та ненависть, которую питали к Милютину «охранители существующего порядка»⁸⁵. Поэтому не случайно Чернышевский, освоивший наследие Милютина, называет его имя среди «распространителей новых и здравых идей». «которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников»⁸⁶.

К сожалению, социалистические искания Милютина оказались непродолжительными. Правительство было напугано западноевропейскими событиями. В стране начинается новая полоса политической и духовной реакции, наступает пора, печально известная под названием «мрачное семилетие». Николаевский гнет стал, по выражению И. С. Тургенева, «для образованного общества своего рода чумой». В 1849 г. III Отделение Канцелярии его императорского величества громит кружок Петрашевского, а царская фемида отправляет основную часть его членов на казнь, отмененную лишь в последний момент на эшафоте. Милютин избегает участи петрашевцев благодаря случайности. Главная улика против него — изъятая при обыске рукопись А. П. Заболотского-Десятковского, чтение которой на собраниях звучало обвинительным актом крепостничеству. Владимиру Алексеевичу грозила участь других участников кружка. Но на его счастье она попала в руки члена следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына, «страстного любителя редких манускриптов», который и «позаимствовал» ее из «Дела В. А. Милютина» в собственную коллекцию⁸⁷.

Думать в этих условиях об обсуждении острых вопросов современности, составляющих основной предмет занятий молодого автора «Современника», не приходилось⁸⁸. Вернуться к этой работе по окончании «мрачного семилетия», в 1855 г., он уже не смог. В этот год В. А. Милютин покончил с собой.

⁸⁴ См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50-е годы: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, с. 213, 215; Конспект лекций В. А. Милютина... составленный кандидатом Петербургского университета А. Спасским. — ЦГИА, ф. 869, оп. 1, ед. хр. 1662.

⁸⁵ На Милютину доносит Булгарин. Не отстают от него член «меньшиковского» цензурного комитета Дегай, российский приверженец вульгарной полит-экономики Бутовский. Министр просвещения ставится в известность о не-позволятельном характере университетских лекций молодого адъюнкта. См.: Голос минувшего, 1913, № 3, с. 222—228; *Евгеньев-Максимов В.* Указ. соч., с. 202; *Дементьев А. Г.* Очерки русской журналистики, 1840—1850 гг. М.: JL, 1951, с. 180; *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826—1877). СПб., 1893, с. 548.

⁸⁶ См.: Конспект лекций Чернышевского по психологии, этике и философии, читанных А. А. Фишером в 1847—1848 гг. — Архив Дома-музея Н. Г. Чернышевского, ед. хр. 960, л. 46. Расшифровка Н. А. Алексеева (цит. по: *Усакина Т.* Указ. соч., с. 141); *Чернышевский Н. Г.* Избранные философские произведения. М., 1950, т. 1, с. 686—687.

⁸⁷ См.: *Семенов Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Пг., 1917, т. 1, с. 206—207.

⁸⁸ В силу этих причин Чернышевский, видимо, был не прав, считая, что «Милютин покинул политическую экономию для русской истории и истории русской литературы, когда захотел достичь того, чтобы каждый вспоминал его, когда вспоминал о... популярных людях в литературе, и называл его в числе полезнейших ее деятелей» (*Чернышевский Н. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 774).